

ГЛАВА 1

Все окружающее, казалось, вдруг перевернулось, поменялось местами, слилось в одно снеговое пятно. Где земля?! Вместо нее — бескрайнее снежное поле. Блестит что-то в белом вихре перед фюзеляжем «По-2». То ли звезды, то ли огни на дороге — в таком снегопаде и не разобрать. Земля и небо смешались, так что теперь ни пилот, ни штурман не понимали, где летит самолет. Остается лишь ориентироваться на внутреннее чутье: в биплане не задуманы приборы для слепого полета в снежном буране. Даже не различить самый верный ориентир реку Сож — серебристую ленту скрыл снежный вихрь.

— Мы за линией фронта, — сказала штурман 46-го авиационного гвардейского полка. Она определила, что пересекли линию фронта, по времени полета.

Летчица кивнула в ответ. И снова штурман засекала время, еще двенадцать километров от линии фронта до цели.

— Боевой курс!

Девушка за штурвалом точно опустила легкий самолет на нужную высоту, отключила мотор. Самолет пикировал в полной тишине, слышался только негромкий шелест воздуха под крыльями. Именно поэтому немцы называют их авиаотряд «ночными ведьмами»: атакуют всегда в темноте, ночью, без звука, не страшась артиллерии и огня. Только тихий шорох, словно ведьмина метла шуршит.

— Огонь!

Освободившись от четырех бомб, «По-2» взмыл вверх. Сразу загудели моторы, самолет стал разворачиваться — цель уничтожена, можно возвращаться на аэродром. Но яркий луч прожектора осветил самолет с летчицей и штурманом, в ту же секунду заухали немецкие зенитки, затянув все вокруг черным дымом.

— Тоня, бери больше вправо! Ах! — Штурман вскрикнула и дернулась от жгучей боли в боку. Сотни трассирующих пуль жалили с левого фланга крыло самолета, словно огненные пчелы. Взрывы, хлопки со всех сторон. Легкий штурмовик закрутился, протаранил черно-оранжевую стену из выстрелов, вывернул в сторону, накренился вниз и со свистом исчез за черными верхушками высоких деревьев.

ТАНКИ В СПИНУ НЕ СТРЕЛЯЮТ

По бортам захлестали еловые лапы, все ниже и ниже — 400 метров, 200, 100! Биплан, как легкая лодка, вонзился острым носом в сплетение веток двух накренившихся старых сосен. Винт закрутил вокруг себя мохнатые еловые лапы, расшвыривая снег во все стороны, захрипел и затих.

— Эй, штурман! Приземлились, получилось. Дина, ты что молчишь?! — Летчице казалось, что она кричит изо всех сил. Но она шептала еле слышно, ворочалась, пытаясь повернуться назад к штурману.

Не по размеру огромная стеганая ватная куртка становилась все тяжелее от каждого движения, набухая от пульсирующей из ран крови. Девушка застонала от запоздалого ощущения пронзительной боли в бедре и левом боку, попыталась вылезти из кабины, но рухнула назад. Усиливающаяся слабость лишила ее равновесия, руки перестали слушаться, а перед глазами стусилась темнота. Словно через толстый слой ваты она услышала скрип снега под обувью человека. Тоненькая фигурка в огромном тяжелом пальто спешила по сугробам, то и дело проваливаясь в сугробы. Девушка в темном пуховом платке подобралась поближе к повисшему между стволов самолету. Она покрутилась внизу — слишком высоко. Сбросила неудобные валенки

и полезла вверх, цепляясь окоченевшими пальцами за мерзлые ветки.

Летчица услышала над ухом чье-то дыхание:

— Вы слышите меня? Вы ранены, у вас кровь. Я из партизанского отряда, связная, Оля, Оля Воробьева. Я сейчас побегу за нашими ребятами в партизанское укрытие. Слышите? Вы держитесь! Мы спасем вас! Два часа, потерпите два часа, и я приведу помощь!

— Стой, — еле слышный шепот остановил партизанку. — Скажи, передай, что мы выполнили задание. Гвардии младший лейтенант Высоцкая и младший лейтенант Полунина.

Голова в шлеме бессильно легла на борт кабины, стукнувшись очками о металлическую раму. Оля коснулась холодеющей щеки молодой женщины:

— Очнитесь, нет, не умирайте. Потерпите! Я приведу, приведу помощь!

Ольга, тихо всхлипывая, шагнула на крыло, цепляясь за край кабины. Вторая девушка тоже мертва. Со стороны казалось, что она просто закрыла на секунду глаза и откинула на спинку кресла голову в летном шлеме. Широкие брови, тонкие черты лица — настоящая спящая красавица. Но Ольга, сунув руку за отворот куртки, еле сдержала крик от ощущения липкой, еще теплой крови, пропитавшей одежду. Комсомоль-

ТАНКИ В СПИНУ НЕ СТРЕЛЯЮТ

ский билет, красноармейская книжка разбухли и начали сворачиваться под бурными разводами. Девушка из партизанского отряда забрала документы у штурмана и летчицы, бросила прощальный взгляд на их застывшие тела и пообещала:

— Я вернусь! Я расскажу всем про ваш подвиг и про вашу геройскую гибель! Мы... — Голос ее не слушался, срывался от слез. — Похороним вас как героев. Спите спокойно, боевые подруги!

Оля с трудом слезла с дерева. Холод сделал тело непослушным, деревянным. Девушка спрятала за пазуху пропитанные кровью документы отважных летчиц и зашагала через лес. Она не замечала, как на щеках застывают на ходу льдистые дорожки из слез, за годы войны привыкла, что иногда плачет беззвучно. Сколько уже длится война! Третий год она является связной в партизанском отряде, доставляет важные сведения из города, оккупированного немцами, к партизанскому укрытию в глубине лесных топей и возвращается обратно. Проносит в огромном пальто лекарства, шифровки, патроны, продукты. А немцы никак не уходят из города, хоть в партизанском штабе и говорят каждый день о наступлении Красной армии на силы вермахта. Советский Союз уже уверен в своей победе над Гитлером, Левитан по радио ежедневно докладывает об успешных боях по освобождению

Украины и Белоруссии. Наши войска расширяют плацдарм на правом берегу Днепра, отвоевывая в тяжелых боях каждый километр земли. От того Оле было еще печальнее: бедные девчонки-летчицы не успели дожидаться окончательного разгрома фашистских сил. Поэтому она торопилась изо всех сил, чтобы вернуться в город до рассвета и спрятать документы девушек в тайнике. Ночью, как только дежурные на блокпостах потеряют бдительность, связная прошмыгнет мимо них через проход по старому кладбищу, а оттуда двинется в глубину леса. Через четыре часа хода по незаметной тропе она окажется в партизанском отряде, расположившемся в землянках. У партизан есть радиоточка для передачи информации, и тогда в штабе узнают о героической смерти экипажа «По-2».

Связная отважно выполняла каждое задание партизанского соединения, пробираясь через лес в бурю или под дождем. И каждый раз Ольга думала о том, что сведения, которые она собирает и передает партизанам, помогут воинам Красной армии одержать победу над вражескими захватчиками. И тогда в ее город войдет армия освободителей с танками впереди. И в одном из танков будет ее жених, лейтенант, командир танка Алексей Соколов.

ТАНКИ В СПИНУ НЕ СТРЕЛЯЮТ

Вдруг в предрассветной тишине раздались автоматные очереди и лай собак. Ольга в тревоге застыла, прислушиваясь к крикам поодаль. Девушка уже почти дошла до второстепенной дороги, ведущей из города до старого кладбища, со своего места она видела перекошенную оградку, что шла вдоль заброшенных могил. Обычно в этой части пригорода было тихо в любое время суток. Ни жителей города, ни немецких оккупантов не интересовала грунтовая дорога, что тянулась пять километров, уходя в лес. Раньше по ней на гужевых повозках перевозили в город срубленные стволы деревьев, чтобы заготавливать дрова, но после авианалетов из-за огромных рытвин и размокшей глинистой почвы пользоваться дорогой было невозможно. Да и немецкая охрана выпускала из городка только с письменного разрешения коменданта. А сейчас по дороге передвигались толпы людей: брели старики в наспех надетых полушубках; шли женщины, прижимавшие к себе грудничков; тащились замерзшие, отчаянно плакавшие дети. Вокруг толпы в несколько тысяч человек двигалось кольцо из рядовых с автоматами в руках. За колонной следовал строй из фашистов. У них на поводках захлебывались от лая овчарки, чтобы никто из пленников не смог убежать под защиту леса.

Ольга не видела всей картины происходящего, слишком далеко она была от дороги. Но

по человеческим крикам, топоту тысяч ног, от которого гудела земля, поняла, что происходит что-то страшное.

И люди в толпе нервничали, изыскивая возможность сбежать из этой колонны смерти. Изможденная женщина с котомкой с трудом несла мальчика лет десяти, шатаясь под тяжестью своего груза. Она с мольбой повернулась к охраннику, показывая обвисшего без сознания ребенка.

— Господин, пожалейте, можно я оставлю ребенка в городе? Умоляю, он болен! Он в бреду! У него тиф! Ему нужны лекарства! Я не могу нести его, у меня нету сил. — Она замедлила шаг перед крупным солдатом в длинной шинели.

Тот не ругался и не кричал, лишь внимательно следил за каждым движением идущих людей. Но он не успел ей ответить, подскочивший разъяренный офицер огрел огромным суком несчастную женщину по спине:

— Молчать, не разговаривать!

От удара та рухнула прямо под ноги солдату, выронив сына. Мальчика, обмякшего и бессильного, подхватили чужие руки, а на упавшую пленницу обрушились новые удары. Движение застопорилось, женский голос гневно выкрикнул:

— Остановитесь, что вы делаете! Вы убьете ее! Вы — звери!

ТАНКИ В СПИНУ НЕ СТРЕЛЯЮТ

Немецкий офицер вытащил маузер и выстрелил в голову лежащей на земле женщины. По взмаху перчатки подбежал переводчик-полицай и стал громко переводить слова своего начальника:

— Кто посмеет бежать, будет расстрелян. Кто посмеет сказать хоть слово, будет расстрелян. Кто отстанет, будет расстрелян.

Лейтенант выдернул из толпы старика, трясущегося от холода, скрюченного и безропотного. Одним ударом тяжелого сука он отправил немощное тело в канаву у дороги, вторым ударом добил несчастного. Торжествуя поворачиваясь к обомлевшей толпе.

— Чего встали, свиньи! Вперед, быстрее!

Воспользовавшись заминкой, два мальчугана рука об руку бросились петлять между деревьями. Подальше от хрипов собак и трупов на обочине.

— Герр офицер, смотрите, беглецы! — Полицей указал на удаляющиеся фигурки.

— Взять их! Спустите собак! Вперед!

И тут толпа с криками бросилась бежать от дороги. Люди рассыпались по кустам, прячась за каждую кочку. Они уже поняли, что впереди ждет верная смерть и надо спастись любой ценой.

— Назад! — Охранники открыли огонь по убегающим.

— Собак, спускайте собак! Боевой цепью по лесу! — Унтер-лейтенант метался по дороге, выкрикивая приказы.

Рядовые бросились за беглыми пленными, поливая автоматными очередями все пространство вокруг, не давая людям поднять голову или спастись в чаще леса. Ольга в растерянности застыла за кустом, не зная, в какую сторону ей бежать. Дернулась всем телом назад, но на скрип снега обернулись двое мальчишек, залегшие в ямки. При виде Ольги они с криками бросились ей навстречу:

— Помогите, спрячьте нас! Они хотят убить нас!

— Тише, тише! — зашептала девушка, пытаясь успокоить детей.

Но те были слишком малы и напуганы, чтобы соблюдать осторожность. И их крики сразу же услышала охрана, невысокий солдат уже прицелился из автомата и выкрикнул:

— Выходите! Возвращайтесь на дорогу!

— Прошу вас! — Оля отодвинула плачущих мальчиков за спину, прикрывая их от выстрелов. — Отпустите, не надо нас убивать.

— Иди на дорогу обратно, или я выстрелю. — Дуло автомата показало на отрезок грунтовки, куда сгоняли пленных.

Деваться было некуда, она взяла мальчишек за руки и повела обратно к пятачку, где снова

собирались люди. Часть беглецов застрелили, оставив лежать вдоль дорожных канав. Остальных выстроили и под конвоем повели дальше. Младший из мальчишек был так слаб, что Оле пришлось пристроить его себе на закорки. Сама худенькая и невысокая, она с трудом тащила ребенка, чувствуя спиной, как тот горит лихорадкой и со стоном мечется. Девушка попыталась спросить у старшего мальчика, давно ли заболел его брат, и тут же получила удар прикладом по плечу. «Упасть и притвориться мертвой, а потом отправиться к партизанам, рассказать, что всех из города куда-то увезли. На железку, наверное, ведут, чтобы отправить в концлагерь. Надо бежать, спастись», — мысли у Ольги кружились в лихорадке, ей хотелось броситься прочь, только бы не брести покорно со всеми по разбитой дороге. Но она никак не могла решиться на побег, ведь это значило бросить двух доверчиво прилипших к ней малышей. Наконец их остановили и начали загонять в большие грузовики с брезентовыми бортами. Солдаты безжалостно расстреливали в упор тех, кто не мог сам подняться. Хрупкая девушка покачнулась и, не выдержав веса ребенка, рухнула прямо лицом в грязь у колес. Под дружный гогот солдат один из рядовых передернул затвор, остальные подбодрили его:

— Давай, Вальтер, застрели русскую дуру с ее щенками.

Молоденький, лет восемнадцати солдат, по виду совсем новобранец, неуверенно топтался, медленно поднимая автомат. Чья-то крепкая рука схватила Ольгу за воротник, потянула наверх, чтобы она смогла перевалиться через борт машины. Пуля, выпущенная Вальтером, ободрала кожу на виске, прошла мимо и оставила прореху в брезенте. Внутри машины Оля прижала мальчиков к себе, рухнула в свободный угол, выплевывая изо рта дорожную грязь. Но тихий женский голос ее остановил:

— Не утирайся, девонька, ходи лучше чумазой, чтобы фрицы не снасильничали.

Борт с грохотом захлопнулся, машина резво поехала по ямам и буграм лесной дороги. Ольга спросила в темноту:

— Куда нас везут?

— Не знаем, согноли всех и в чем были погноли. Даже детишек не пожалели, — ответили ей из темноты.

Ей ничего видно не было, но, судя по тесноте, в кузове расположились несколько десятков женщин с детьми. Пленницы все еще опасались разговаривать, обмениваясь короткими фразами, стараясь угадать направление движения по тем ориентирам, что были видны в пулевое от-

ТАНКИ В СПИНУ НЕ СТРЕЛЯЮТ

верстие в брезенте. Во время первой же остановки разговоры и вовсе затихли. Опять снаружи раздались крики и выстрелы, брезент распахнулся, и в толпу упала новая жертва с разбитым в кровь лицом. Женщины потеснились, давая ей возможность сесть. Но пленниц становилось все больше и больше. Люди в машине стояли, тесно прижавшись друг к другу, а немецкая охрана прикладами и пинками отправляла в кузов еще партии людей. Ребра хрустели от натиска общей массы тел, Оля с хрипом хватала ртом воздух, пытаясь хоть как-то вдохнуть. Машина снова тронулась, набирая скорость. В голове у девушки все плыло, в глазах были огненные круги, но она не выпускала ни на секунду детскую ладошку, а второго ребенка прижимала к плечу.

— Вы откуда прибыли? — Голос у спрашивающей был сдавленным до хрипа.

Ей ответил такой же еле слышный, задавленный теснотой полустон-полухрип:

— С Озаричей мы, Домановичский район.

Ольга из последних сил потянулась вверх всем телом, дернулась в попытке глотнуть воздуха и потеряла сознание, так и оставшись стоять, зажатая столбиком между людьми.

ГЛАВА 2

Черное поле засыпало снегом, колючий ветер пробирался и охлаждал даже через толщу ватной куртки. Но они стояли у своих «тридцатьчетверок», вытянувшись в струнку, внимательно слушая каждое слово человека с генеральскими погонами. Зычный голос командующего 1-й танковой армии, генерала Сапунова, разносился эхом по площадке, где торжественно выстроились почти сто боевых машин со своими экипажами. Танковая бригада, три батальона отважных танкистов на маневренных бронированных машинах. Советские танки «Т-34», ставшие кошмаром для армии Гитлера. Еще в начале войны фашисты даже не знали названия нового среднего танка СССР, презрительно поглядывали на легкие железные коробочки, что с удивительной ловкостью лавировали по полю, пересеченной местности и даже в лесном массиве. Но когда во время ожесточенного сопротивления Красной армии выяснилось, что почти ни-